

Чеховский юбилейный сборник / Под ред. М. Семенова, Н. Тулунова.
М., 1910. С. 452–453.

Чеховъ—театральный докторъ.

Было это дѣтъ четырнадцать тому назадъ. Прихожу я на сцену Панаевскаго театра во время перваго антракта (шла пьеса „Графъ де-Ризооръ“), вижу: стоитъ спиной къ спущенному занавѣсу человекъ вида стараго студента, въ пенснэ, съ непокорнымъ вихоркомъ на затылкѣ.

Довольно было бѣлаго взгляда, чтобы узнать въ немъ А. П. Чехова. Насъ познакомили. Я сейчасъ же заговорилъ объ „Ивановѣ“, котораго хотѣли играть въ Суворинскомъ театрѣ.

„Иванова“ я искренно считалъ одной изъ выдающихся пьесъ нашего времени. Въ ней Чеховъ являлся ярко-талантливымъ историкомъ эпохи 80-хъ годовъ, эпохи крайняго „унынія и пессимизма“... Интеллигенція тосковала, казалось, безъ всякаго видимаго повода, но въ сущности по совершенно понятнымъ причинамъ, переживая реакцію 60-хъ годовъ; и эту развѣдающую тоску Чеховъ мастерски разработалъ въ своемъ героѣ.

Все это я высказалъ Антону Павловичу. Онъ слушалъ, склонивъ голову на бокъ, руки въ карманахъ.

— Пьеса не особенно нравится...—сказалъ онъ, улыбнувшись простой, милой улыбкой.

— Такія пьесы современникамъ и не могутъ нравиться,—замѣтилъ я.

— Пожалуй.

Насъ попросили со сцены. Каждый антрактъ Чеховъ приходилъ на то же мѣсто, какъ-то задумчиво-разсѣянно прислушиваясь къ окружающему гомону и наблюдая суету перестановокъ.

Вдругъ неожиданно разразилась катастрофа. Въ актѣ, гдѣ происходитъ сраженіе фламандцевъ съ испанцами, одинъ выходной актеръ въ слѣпое усердіе выстрѣлилъ въ упоръ въ лицо солдата. Вѣрный службѣ, солдатъ остался на

сценъ, пока не спустили занавѣсъ, и тутъ только засто-
наль.

Лицо его было ужасно. Изъ глазъ текла кровь. Его
отвели въ уборную, бросились искать доктора. Побѣжалъ
и я за докторомъ, какъ былъ, въ трико. Уже въ коридорѣ,
среди публики, я наткнулся на Чехова и вспомнилъ, что онъ
докторъ.

— Ради Бога, помогите скорѣй!.. Мы подстрѣлили ста-
тиста!..

Чеховъ выпрямился и быстро пошелъ впередъ.

— Гдѣ онъ?

Я провелъ его къ уборной.

Солдатъ всхлипывалъ, зажимая руками окровавленное
лицо.

Чеховъ сдвинулъ брови и отрывисто сказалъ:

— Скорѣй воды, бинтовъ, ваты!..

Побѣжали къ театральной аптечкѣ.

Какъ просто Чеховъ писать свои рассказы, такъ про-
сто онъ положилъ руку на плечо солдата и сказалъ:

— погоди плакать, усидишь. Можетъ-быть, и нечего пла-
кать. Дай-ка я посмотрю.

Онъ отвелъ руки солдата отъ его лица и внимательно
занялся осмотромъ глазъ, приговаривая:

— Вотъ оно что значитъ сраженіе...

Я не выдержалъ и ушелъ въ коридоръ. Минутъ черезъ
десять Чеховъ вышелъ ко мнѣ.

— Ну, что?—бросился я къ нему.

— Глаза пропали.—коротко отвѣтилъ онъ.

Меня поразило холодное, спокойное выраженіе его
лица. Только характерная складка у переносья стала рельеф-
нѣе.

— На сцену!—донесся голосъ сценаріуса.—Начинаемъ!..

— Ну, до свиданья!—бросилъ Чеховъ.

— А солдатъ?..

— Я сдѣлать перевязку. Сейчасъ его отправить въ
больницу.

Онъ кивнулъ мнѣ и, сутулясь, сталъ углубляться въ ко-
ридоръ, подрагивая въ воздухѣ непокорной прядкой на за-
тылкѣ.

Жизнь спектакля вошла въ свою колею.

Г. Г. Ге.